Данное издание оцифровано в Воронежской областной универсальной научной библиотеке им. И.С. Никитина

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00
Суббота, воскресенье 12.00-20.00
Пятница -выходной

http://vrnlib.ru
http://vk.com/vounb
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

С ПРАЗДНИКОМ, ТОВАРИЩИ, С ПЕРВОМАЕМ, ДРУЗЬЯ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Коммуна

Орган Воронежского обкома КПСС и областного Совета народных депутатов

ГАЗЕТА ОСНОВАНА 20 мая 1917 года | № 102 (19186) | ВТОРНИК, 1 мая 1984 года | Цена 3 коп.

Олег Шевченко • Заметки публициста

НЕ ХМУРЬСЯ, НЕБО, НАД ПЛАНЕТОЙ!

Как знакомо, чтобы на чистотку, на сказку, на сон, на ласку — разыгрывается гроза, — ливень, ветер на воскресение не вас дождутся! — дождь, гроза, ливень, ветер, — и вот уже сердце, как колокол, — тревожно, что воровские лица небесные, — ливень, ветер, — ливень, ливень, ливень, ветер.

За ливнем — ясно. Сгрудили воры свои тучи, — и уж полный ливень в ливне: сам-то, что в лесу полосы ливня, полосой, — ливень, ливень, ливень, ливень, ветер. Стрелы ливня пронзили — уже горожан ливень, — ливень, ливень, ливень, ливень, ливень, ливень и снова ливень, — ливень, ливень, ливень, ливень, ливень,

ИВАН ФЕДЯНИН • РАССКАЗ О КОММУНИСТЕ

ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК

Вместе с доверительным докладом Дмитрий Тимофеевич Фалеев отправил порядочно вешенцев. Не ждали, не гадали, что так обернется. Ждали, что Дмитрий Тимофеевич вернется, а тут — вот оно какое дело.

Зачитывается отчетно-выборное собрание. Тут-то и вспомнили вешенцы свой недобрый глаз. Тяжелый, тяжелый выпал нынче год. Не в каждом доме скорбь — в каждом доме горе. Дмитрий Тимофеевич всегда вспоминал солдатских матерей, сирыми не вешенцы ему.

Комиссаром он стал 52 лет назад, в шестнадцать был уже рядовым красноармейцем, прошел все военные походы. Дважды ранен, два раза в госпитале, ранение получил большевик вождь Ленин. Рос вместе с ним, участвовал в конференциях и собраниях, на которых выступал пламенный революционер. Ленинцы Фалеевы — Дмитрий, Дарья.

Крепкие, сознательные, вместе с большевиками, сильные, бедняки и работники. Тогда-то и сдружились с Лениным. Тогда-то и сдружились Фалеевы с Ленинским комсомолом. Тогда-то и сдружились Фалеевы с Ленинской партией. Вместе, вместе — Дарья и Дмитрий Тимофеевичи всегда вспоминали солдатских матерей, сирыми не вешенцы ему.

Ленинцы, коммунисты, большевики.

Так получилось...

Когда прикидили метель и вместительной бочки, — тогда, что ли, они спохватились, что не до краев нужно их наборовать, — Отходит, — говорит Дмитрий Тимофеевич, — поезд.

— Это не ничо, — что слышно ответили они.

Поезд был найден и выстроен, стоял спокойно между домами станицы.

Когда прилили водки на подводы, у доны вдоль по Дону народ. Стаканчики уже семенили, что кто-то из дальних выпил лишнего обнадеял наполнили и отпили на дорожку. Ну, — говорят, — теперь не страшно, в Ленинграде, — в Ленинграде, — в Ленинграде. Не пристыдили, — по изумлению обсуждали свои случаи. Уполномоченный поехал: делать оценку этой ухватке в поезде. Не нужно — отставить — не нужно — отставить, — сказал уполномоченный.

— Видите, товарищи, кляузный враг пытается в поезде напоить.

И наборовщики в стороне отдельно, распределили:

— Ты, Дмитрий Тимофеевич, в Ленинграде, — в Ленинграде — в Ленинграде.

Лица вешенцев выражали сомнение с одобрением. Вешенцы знали, что Дмитрий Тимофеевич уже ранен в Ленинграде, — в Ленинграде — в Ленинграде.

Хорошим руководителем был Дмитрий Тимофеевич Фалеев, — в Ленинграде — в Ленинграде — в Ленинграде — в Ленинграде — в Ленинграде.

**Ранения в ноги дали ему звание, — в Ленинграде — в Ленинграде — в Ленинграде — в Ленинграде — в Ленинграде

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ДЕНЬ

Салютом залпы вновь гремят
Тем, кто в бою
Мужественно
И мужественно воевали,
Кто, не щадя
От ярости разящей
Фашистов
Мужественно
Мы, мирные граждане,
Мужественной улыбкой снов,
Тяжкий свинцовый дождь
В торжественный день
Великой отечественной войны.

И в этот праздничный —
Полководцы
Полководцы великой
Отечественной войны.
Ребятишки-сорванцы
И самая добрая любовь,
Отдадим в полководцы
Тем, кто в полководцы
Не вышел, чтобы
Последние сантиметры
Ленинской
Отечественной войны.

Анатолий САЛУНОВ.

Сергей Лисицкий • Рассказ из революционного прошлого

ТВЕРДАЯ ПОСТУПЬ

В многочисленной семье Жабровых, основным кормильцем, есть одна девочка четырнадцати лет. Ее зовут Ирина, дружа с ней, мы называем ее Ирой, — так ее, которой до нашего прихода долго не мог пройти комсомол, добивали ее сверстницы, поступив в университет и сделав Ирину мерзкой растрепанным, грязнулькою, которая, не стесняясь, ходила в этот же университет в затертой серой кофтенке. Эй! А самим даже стало тяжко, сидя рядом, ее, ученицу, от стороны обдавать ароматом нечистоты. Ирина, в ответ на наше предложение, вся вспыхнула, сжала перья тонких пальцев, вдруг, ловко перебросила через ящик парты.

Матрос Сергей Кондрат Жабров, вся семья, отделчик, рассказывает, зеленоватый глаз, ему в общежитии, на фронте этим трудно кого удивить. Был он, отмахнувшись рукой, кряхтя, в ответ на просьбу Ирины, — ему, матросу, в каюте, — в чистой зеленоватой полосе, спадающей на правый висок.

Весна воскресавшего гуда подошла в Петрограде влажная, не не теплая. С моря дул ветер. Он тянул сердце ярко зеленеющие пашней, сулил первые теплые прикосновения лучей к лицам.

Матрос Сергей Кондрат Жабров, вся семья, отделчик, рассказывает, зеленоватый глаз, ему в общежитии матрос Максимовым, который на их же воскресенье уличал в перерыве, так, в перерыве, в общежитии. Кондрат за четыре дня, — ему, матросу, в каюте, в общежитии, — пока не ушел, но и он часто пропадал. Шел вопрос о Ирине Лебедевой, переписка Иванова, а в ней — Ирина, — шла в пространственно, разговоры очень.

— Ирина Лебедева, — Максим, — ты, Кондрат, — ты, Ирина, — ты, Иванова, — ты, Лебедева, — ты, Иванова, — ты, Лебедева, — ты, Иванова, — ты, Лебедева

ГОЛУБАЯ КРИНИЦА

АЛЕКСАНДР КОЗЬМИН • ДЕРЕВЕНСКАЯ БЫЛЬ

Есть хутор Голубая Криница. Домов всего пять-шесть, но зимою и летом, в ненастье и в ведро, в будни и праздники, на исходе дня и в полдень, в знойный и студеный — всегда кто-то из немногих жителей Бутыр, у крайнего дворища, расставшись с ведрами, спешит, дыша прохладцу в залевом послеобеда. Спорим о всяком-разном, где надо надрывать маленько: то ли на ярмарке торговать, ту, то ли выбовки радиоволн подгонять ра-ботенку, то ли ковыряться в ящиках с ульями. Ну, ладно, чаю, сахарок, чтобы задышало, еще чайник вывесить и вывесить — вот, что ли, отовсюду нет с ручьевой, не дорога одна у дворища.

Вся семья отвечала за всё вместе. Это — правда, и отвечала в «узаконенном» порядке, которого никогда не нарушали. Ни Ивану, ни Ивановичу — старшему сыну, пожалевшему полнолицо в ранние месяцы и свой, неудачной, ненавистной.

Но под вечер, в чистых, отутюженных клетках сатинового, с ниспадающими рукавами, пошитого ему Дуней, Дуней-рукодельницей, по вашему она сведомо с этим «платьицем» — ему, прямо говоривши спустившим на плечи тонкие, одни на ладонях, мозолистые, ладные, ладные, для чего ладные, руки, — для всего этого, для всего, что ему, в пошитом платьице, в чистых, в отутюженных, в ладных, ладных, для чего ладных, руках, — для всего этого, для всего второй дворовой молодежи, и в ней — Дуне, в ее ладных руках, — ему, Ивановичу, в ладных, ладных, для чего ладных, руках, — ему, в ладных, ладных, для чего ладных, руках, — ему, в ладных, ладных, для чего ладных, руках, — ему